

СТИВЕН КИНГ

Мертвая зона

Stephen King THE DEAD ZONE

От автора

Посвящается Оуэну

Я люблю тебя, старый увалень

События, изложенные в романе, вымышлены. Все персонажи — тоже плод авторской фантазии. Поскольку действие происходит в исторических условиях минувшего десятилетия^[1], читателю могут встретиться имена реальных людей, известных в семидесятых годах. Надеюсь, портрет ни одного из этих лиц не искажен.

В штате Нью-Хэмпшир нет третьего избирательного округа, как нет и города Касл-Рок в штате Мэн.

Приемы уроков чтения Чака Четсворта заимствованы из книги Макса Брэнда «Живой мозг», впервые опубликованной издательством «Додд, Мид энд компани».

ПРОЛОГ

1

К окончанию колледжа Джон Смит уже не помнил, что в январе 1953 года сильно ударился головой и растянулся на льду. Вообще-то воспоминания о том злополучном падении стерлись из его памяти к концу школы. А родители об этом вообще ничего не знали.

Они катались на расчищенном от снега пяточке Круглого пруда в Дареме. Мальчишки постарше играли в хоккей старыми клюшками, обмотанными изоляционной лентой, а воротами служили старые корзины из-под картофеля. Малышня, как водится, крутилась тут же, смешно вихляя коленками и выпуская клубы пара на двадцатиградусном морозе. На углу расчищенной площадки чадили две горящие автомобильные покрышки, возле которых устроились родители, наблюдавшие за детьми. Снегоходы еще не изобрели, и зимние развлечения по-прежнему сводились к физической нагрузке, а не к испытанию на прочность бензиновых двигателей.

Джонни жил на окраине Паунала и пришел на каток с коньками, перекинутыми через плечо. Для шестилетнего мальчугана он катался очень неплохо. Конечно, не так хорошо, чтобы играть в хоккей с ребятами постарше, но вполне прилично, поэтому и описывал круги вокруг других малышей, которые судорожно взмахивали руками, стараясь сохранить равновесие, и все равно плюхались на лед мягким местом.

Сейчас Джонни медленно катился по краю расчищенного пяточка, мечтая научиться скользить задом наперед, как Тимми Бенедикс, и прислушиваясь к потрескиванию льда, крикам хоккеистов, обрывкам разговоров взрослых и урчанию грузовика, везущего через мост сырье на гипсовую фабрику в Лисбон-Фоллс. Он вовсю радовался жизни в этот отличный, по-зимнему холодный день. Ничто не омрачало его чудесного настроения, и ни о чем не мечталось... разве что научиться ездить задом наперед, как Тимми Бенедикс.

Проехав мимо костра, Джонни увидел, как несколько взрослых передают по кругу бутылку.

— Дайте мне тоже! — крикнул он Чаку Спайеру, на котором была большая клетчатая куртка и теплые зеленые фланелевые штаны.

Чак засмеялся:

— Проваливай, малыш! Вон тебя мама зовет!

Улыбаясь, шестилетний Джонни Смит покатил дальше. И тут заметил, как по дороге к пруду спускается Тимми Бенедикс, а следом — его отец.

— Тимми! — закричал Джонни. — Смотри!

Он повернулся и неуклюже заскользил спиной вперед, не замечая, что движется в самую гущу хоккеистов.

— Эй, малыш! — крикнул кто-то. — Гляди, куда катишь!

Но Джонни ничего не слышал. У него получилось! Он ехал задом наперед! Мальчик вдруг уловил суть движения — надо только чуть вывернуть ступни...

Охваченный восторгом, он опустил взгляд, чтобы посмотреть, как двигались ноги.

Мимо него проскочила старая, изрезанная царапинами шайба со стертыми краями, но он не видел ее. Один из хоккеистов — не очень уверенно державшийся на коньках — бросился за ней, не замечая ничего вокруг.

Чак Спайер, первым поняв, что происходит, вскочил на ноги и крикнул:

— **Джонни! Берегись!**

Джонни поднял голову, и в следующий момент неумелый хоккеист врезался в него на полной скорости со всей тяжестью своих ста шестидесяти фунтов.

Джонни, раскинув руки, взмыл вверх и через мгновение рухнул на лед,

ударился головой и провалился в темноту.

Тьма... Черный лед... Тьма... Черный лед... Черная мгла.

Джонни сказали, что он потерял сознание. А ему запомнились только навязчивая мысль о темноте и неожиданно окружившие его лица: испуганных хоккеистов, встревоженных родителей, любопытствующих малышей. Ухмыляется Тимми Бенедикс. Чак Спайер приподнимает Джонни со льда...

Черный лед. Мгла.

— Ну как ты? — спросил Чак. — Джонни... с тобой все в порядке? Ты здорово ушибся.

— Чернота, — глухо произнес Джонни. — Черный лед. Не надо на нем прыгать, Чак.

Чак испуганно оглянулся и, снова посмотрев на Джонни, осторожно потрогал огромную шишку, вздувшуюся на лбу мальчика.

— Я нечаянно, — сказал неуклюжий хоккеист. — Я даже не видел его. Малышам на хоккее не место. Это все знают.

Он неуверенно оглянулся, ища поддержки.

— **Джонни?** — снова окликнул Чак. Ему не понравился взгляд мальчика, мрачный, холодный, отсутствующий. — **С тобой все в порядке?**

— Не надо на нем прыгать, — повторил Джонни, по-прежнему не сознавая, что говорит — все его мысли занимал только черный лед. — Взрыв. Кислота.

— Может, отвезти его к врачу? — спросил Чак у Билла Гендрона. — Похоже, он бредит?

— Подождем минутку, — отозвался Билли.

Они так и сделали, и через некоторое время в голове Джонни действительно начало проясняться.

— Я в порядке, — пробормотал он. — Дайте мне встать!

Проклятый Тимми Бенедикс по-прежнему ухмылялся, и Джонни решил, что еще покажет ему. К концу недели он уже будет описывать круги вокруг Тимми: хочешь передом, хочешь задом.

— Иди-ка сюда и посиди у костра, — предложил Чак. — Ты здорово ушибся!

Джонни послушно дошел до горящих покрышек, но от едкого запаха плавящейся резины его затошнило. Потом разболелась голова, и он с любопытством ощупал шишку над левым глазом. Ему показалось, что она выпирает, как рог.

— Ты помнишь, как тебя зовут, и вообще? — поинтересовался Билл.

— Конечно. Я все помню. Со мной все в порядке.

— Кто твои мама и папа?

— Эрб и Вера. Фамилия Смит.

Билл и Чак, переглянувшись, пожали плечами.

— Думаю, с ним все в порядке, — заметил Чак и уже в третий раз добавил:

— Он здорово приложился, верно? Поразительно!

— Дети... — Билл любовно посмотрел на своих восьмилетних дочурок-близняшек, которые катались, взявшись за руки, и снова перевел взгляд на Джонни. — От такого удара взрослый вряд ли очухался бы.

— Если, конечно, у него голова не пустая! — заметил Чак, и они рассмеялись. Бутылка виски снова пошла по кругу.

Через десять минут Джонни уже снова катался, головная боль утихла, а шишка на лбу выпирала, как бугорок. Вернувшись домой преисполненным гордости от того, что умеет кататься задом наперед, он напрочь забыл о злосчастном падении и потере сознания.

— Боже милостивый! — воскликнула Вера Смит, увидав сына. — Что

случилось?

— Упал, — объяснил мальчик, с жадностью уплетая томатный суп.

— С тобой все в порядке, Джон? — участливо спросила она, осторожно трогая шишку.

— Конечно, мам.

Это было правдой, если не считать того, что и месяц спустя после этого Джонни время от времени снились кошмары... Да еще на него вдруг наваливались в необычное время неожиданные приступы сонливости. Но и кошмары по ночам, и приступы сонливости вскоре прошли.

С ним было все в порядке.

Как-то утром в середине февраля, обнаружив, что сел аккумулятор его старенького «де сото», Чак Спайер решил подзарядить его от грузовичка. Когда он подсоединял провод ко второй клемме аккумулятора, тот взорвался прямо перед ним, брызнув осколками и едкой кислотой в лицо. Чак потерял глаз. Вера сказала, что Господь был милостив, сохранив ему второй. Джонни очень переживал и через неделю после несчастного случая отправился с отцом навестить Чака в больнице Льюистона. Он был потрясен, увидев Большого Чака на больничной койке потерянным и жалким, и в ту ночь ему приснилось, что **он сам** оказался в больнице вместо Чака.

Впоследствии у Джонни иногда появлялись предчувствия. Например, он знал, какую песню поставит диджей на радио, но никогда не связывал это с тем злополучным ударом головой об лед. Со временем Джонни совсем забыл о том происшествии.

Предчувствия бывали довольно редко и никогда не удивляли его. Удивлять они стали после той ярмарки и случая с маской. Накануне второго несчастного случая.

Позже он часто размышлял об этом.

На «Колесе фортуны» Джонни выиграл **перед** вторым несчастным случаем.

Это было как напоминание из прошлого.

Летом 1955 года по Небраске и Айове колесил коммивояжер. Под лучами палящего солнца он сидел за рулем «Меркьюри» пятьдесят третьего года, намотавшего уже больше семидесяти тысяч миль и явно нуждавшегося в регулировке клапанов. Коммивояжер был крупным парнем, типичным выходцем со Среднего Запада. Летом 1955 года Грегу Стил-сону только исполнилось двадцать два, а он уже успел прогореть на малярном бизнесе в Омахе, лопнувшем четыре месяца назад.

Багажник и заднее сиденье автомобиля были заставлены картонными коробками с книгами. В основном Библиями. Самых разных форматов и размеров. Лучше всего расходилась «Библия Американского праведного пути», по доллару шестьдесят девять центов, с шестнадцатью иллюстрированными цветными вкладками и переплетом на авиационном клее, который гарантировал, что страницы не рассыплутся по меньшей мере десять месяцев. Затем — для тех, кто победнее, — тоже карманного формата «Новый Завет Американского праведного пути», за шестьдесят пять центов и без цветных вставок, но зато со словами «Господь наш Иисус», напечатанными красным. Состоятельной публике предлагалось подарочное издание «Библии Американского праведного пути» по девятнадцать долларов девяносто пять центов в белом, под кожу, переплете, со специально оформленным местом для нанесения золотой краской имени владельца. Книгу украшали двадцать четыре цветных иллюстрации и вклеенные в середину чистые листы для записей дат рождений, свадеб и похорон. На подарочное «Слово Божие» распространялась гарантия в два года. В отдельной коробке хранились дешевые брошюры карманного формата, озаглавленные «Праведный путь в Америке: еврейско-коммунистический заговор против Соединенных Штатов».

На этих брошюрах, напечатанных на дешевой газетной бумаге, Грег зарабатывал больше, чем на всех Библиях, вместе взятых. В них рассказывалось, как Ротшильды, Рузвельты и Гринблатты прибирали к рукам американскую экономику и правительство. Графики наглядно показывали, что евреи напрямую связаны с осью коммунизма/марксизма/ленинизма/троцкизма, а через нее с самим Антихристом.

В Вашингтоне еще помнили дни маккартизма, звезда Джо Маккарти на

Среднем Западе пока не закатилась, а Маргарет Чейс Смит[2] от штата Мэн называли не иначе как «стервой» за предложенную ею Декларацию совести. Сельская клиентура Грегга очень болезненно реагировала не только на идеи коммунизма, но и на то, чтобы миром управляли евреи.

Грег свернул на пыльную дорогу к ферме в двадцати милях от Эймса, штат Айова. На вид дом казался пустым: шторы задернуты, двери в коровник закрыты; но, чтобы узнать наверняка, нужно проверить самому. Этот девиз неплохо послужил Грегу Стилсону за те два года, что они с матерью прожили в Омахе, когда уехали из Оклахомы. Из малярного бизнеса не вышло ничего путного, но он сослужил свою службу, на какое-то время избавив Грегга от необходимости то и дело поминать Иисуса, да простится ему это маленькое святотатство. И вот теперь он снова был при деле, но уже не как проповедник или борец за духовное возрождение, и испытывал настоящее облегчение при мысли, что чудотворный бизнес остался в прошлом.

Грег открыл дверцу машины, и едва опустил ногу на пыльную дорогу, как из-за коровника с громким лаем выскочил здоровенный и злющий пес с прижатыми ушами.

— Привет, дворняжка, — проговорил Грег приятным голосом, низким и завораживающим. Благодаря хорошо подвешенному языку он в свои двадцать два года уже приобрел навыки опытного оратора и умел увлечь аудиторию.

Пес никак не отреагировал на дружелюбие в голосе Грегга и продолжал злобно приближаться, ничуть не скрывая, что хотел бы полакомиться заезжим коммивояжером. Грег быстро забрался в машину, захлопнул дверцу и дважды нажал на клаксон. По лицу градом лил пот, на белом льняном пиджаке, под мышками, проступили темно-серые круги, а на спине расплзлось пятно, похожее на дерево с ветвистой кроной. Грег еще раз нажал на клаксон, но никто не вышел. Эти деревенские недотепы наверняка погрузились в пикап «Интернэшнл харвестр» или «студебекер» и укатили в город.

Грег улыбнулся.

Но вместо того чтобы включить заднюю передачу и уехать, он пошарил

рукой сзади и вытащил обычный ручной опрыскиватель, только заправленный не инсектицидом, а аммиаком.

Оттянув поршень, Грег снова вышел из машины. Собака, уже присевшая на задние лапы, моментально вскочила и стала приближаться, угрожая рыча.

Грег улыбнулся.

— Все в порядке, дворняжка, — произнес он все тем же низким и заволаживающим голосом. — Подходи, не бойся!

Грег ненавидел отвратительных сельских псов, которые вели себя на крошечных пятках земли перед домом так нагло и спесиво. К тому же по собакам всегда можно судить о хозяевах.

— Проклятые тупицы! — тихо воскликнул он, продолжая улыбаться. — Ну же, песик, подходи!

Пес подскочил и присел на задние лапы, готовясь к прыжку. Из коровника послышалось мычание, и стебли кукурузы тихо зашелестели от дуновения ветра. Пес прыгнул, и лицо Грега стало жестоким. Нажав на поршень, он выпустил облако аммиака прямо в глаза и нос животного.

Злобный лай сменился коротким визгом; собака заскулила от боли, едва аммиак начал разъедать глаза. Пес поджал хвост, моментально превратившись из злой сторожевой собаки в усмиренную дворняжку.

Лицо Грега Стильсона потемнело, глаза теперь напоминали узкие щелки. Шагнув вперед, он с размаху нанес удар ногой собаке в бок. Та протяжно взвизгнула, но, вместо того чтобы покинуть поле боя, убравшись за коровник, от страха и боли бросилась на мучителя, чем подписала себе смертный приговор.

Рыча, она слепо рванулась вперед и, вцепившись в правую льняную брючину, порвала ее.

— **Ах ты, сукин сын!** — Грег взревел от ярости и снова ударил собаку ногой, на этот раз с такой силой, что та покатила кубарем. Он подскочил к псу и нанес еще один удар, не переставая осыпать его проклятиями.

Только теперь собака, со слезящимися глазами, с мучительной болью в носу, с одним сломанным, а другим треснувшим ребром, почуяла наконец опасность, исходящую от этого безумца, но было слишком поздно.

Задыхаясь и крича, взмокший от пота Грег Стилсон гонял собаку по пыльному двору. Он пинал ее ногами до тех пор, пока она, скуля, не зарылась в пыль. Истекавший кровью пес умирал.

— Нечего было кусаться! — шипел Грег. — Слышишь? Слышишь? Нечего было кусаться, проклятая псина! Нельзя стоять у меня на пути! Слышишь? Нельзя никому!

Он с размаху нанес еще один удар заляпанным кровью носком ботинка, но собака лишь захрипела в ответ. Голова Грега раскалывалась.

Это все солнце! Гоняться за собакой на солнцепеке! Как бы самого не хватил удар!

Он закрыл на мгновение глаза, стараясь отдышаться. Капли пота блестели в ежике волос и стекали по лицу, как слезы. У ног испускала дух избитая собака. В темноте под опущенными веками Грега прыгали разноцветные пятна, а сердце неистово билось.

Голова разламывалась.

Иногда Грег спрашивал себя, уж не сходит ли он с ума. Как сейчас, например. Ведь он собирался лишь отогнать собаку в коровник опрыскивателем, чтобы спокойно оставить визитку под входной дверью. Потом он вернулся бы и продал книги. А что теперь? Какое-то кровавое месиво. И как теперь оставить визитку?

Грег открыл глаза. Собака хрипло и часто дышала, из носа сочилась кровь. Заметив, что мужчина опустил на него глаза, пес покорно лизнул носок ботинка, будто признавая себя побежденным, и погрузился в забытие.

— Не надо было рвать брюки! — обратился к собаке Грег. — Они обошлись мне в пять долларов, шелудивая тварь.

Пора уносить ноги. Ему не поздоровится, если этот деревенский олух с женой и шестью детьми вернутся из города на «студебекере» и увидят

своего издыхающего пса у ног незваного коммивояжера. Он потеряет работу. Компании «Американский праведный путь» не нужны коммивояжеры, убивающие собак христиан.

С нервным смешком Грег сел в машину и быстро дал задний ход. Добравшись до дороги, разрезавшей кукурузное поле ровной линией, он устремился на восток и вскоре мчался со скоростью шестьдесят пять миль в час, оставляя за собой длинный шлейф пыли.

Терять работу отнюдь не входило в его планы. По крайней мере сейчас. Он неплохо зарабатывал: помимо уловок, отлично известных компании «Американский праведный путь», Грег разработал несколько своих, о которых не знал никто. Ему было грех жаловаться. Постоянные разъезды, связанные со сменой обстановки, новые знакомства, много... девчонок. Казалось, жизнь удалась, правда...

Правда, этого ему было мало.

Он продолжал путь; голова разламывалась. Да, этого ему было мало. Грег чувствовал, что родился для большего, чем разъезжать по Среднему Западу, торговать библиями и подделывать накладные ради пары лишних долларов в день. Он чувствовал, что родился для... для...

Для величия!

Да, именно для этого! Несколько недель назад Грег затащил на сеновал девчонку. Ее родители уехали в Давенпорт, набив машину цыплятами для продажи, и она сначала предложила ему стакан лимонада, а потом пошло-поехало. Когда все кончилось, девчонка заявила, будто в сексе он ничем не отличается от проповедника, и тогда Грег залепил ей пощечину. Почему — и сам не знал. Просто дал пощечину и уехал.

Вообще-то не совсем так.

Он ударил ее три или четыре раза. И остановился, только когда она начала кричать и звать на помощь. Каким-то образом ему все же удалось помириться с ней, для чего Грег пустил в ход все обаяние, каким наградил его Господь. Тогда голова тоже разболелась, а перед глазами запрыгали разноцветные точки, и он решил, что это из-за невыносимой жары на сеновале. Однако причиной головной боли была не только жара. Грег

почувствовал то же самое и на пяточке перед домом, когда собака разорвала его брюки: им овладело нечто темное и безумное.

— Я не псих! — громко произнес он и, опустив стекло, вдохнул полной грудью раскаленный летний воздух, пахнувший пылью, кукурузой и навозом. Включив радио, Грег поймал песню в исполнении Пэтти Пейдж. Головная боль немного стихла.

Главное — уметь держать себя в руках и не подмочить репутации. Тогда ему никто не страшен. И он постоянно совершенствовался в этом. Ему уже не снился так часто отец в сдвинутой на затылок шляпе и ревевший:

— Ты— мерзкий и ни на что не годный подонок и сопляк!

Ему это снилось все реже, потому что перестало быть правдой. Грег уже не сопляк. В детстве он действительно часто болел и был хилым, но теперь вырос, окреп и заботился о матери...

А отец умер и ничего этого не видел. Грег не мог заставить* его отказаться от своих слов, потому что тот погиб при взрыве на нефтяной вышке. Но ему ужасно хотелось откопать отца и, вытащив из могилы, высказать в обезображенное лицо все, что накипело, а потом наподдать так... как тому псу!

Голова снова заболела, но уже не так сильно.

— Я не псих! — снова громко повторил он, но его слова заглушала музыка. Мать всегда говорила, что Грег родился для чего-то большого, великого, и он искренне верил этому. Нужно просто постоянно держать себя в руках, не совершать проколов — вроде пощечин девушке или избиения собаки — и дорожить репутацией.

В чем именно заключается его величие, он узнает, когда пробьет час. В этом Грег не сомневался.

Он снова вспомнил о собаке; на этот раз с равнодушной улыбкой, без насмешки и сострадания.

Впереди его ожидало величие. До него еще далеко: конечно, сейчас Грег слишком молод, но в этом нет ничего плохого, если понимать, что все

придет со временем. И верить, что рано или поздно мечта осуществится. А он верил в это.

И да помилуй Господь и сынок его Иисус всех, кто окажется у него на пути!

Грег Стилсон выставил в окно загорелый локоть и начал насвистывать песню, звучащую по радио. Нажав на газ, он увеличил скорость до семидесяти миль в час, и старенький «меркьюри» помчался по прямому как стрела проселку в штате Айова к тому будущему, которое ждало Г рега впереди.

Часть I «КОЛЕСО ФОРТУНЫ»

Глава первая

1

Тот вечер запомнился Саре маской и необычайным везением Джона на «Колесе фортуны». Однако впоследствии, в те редкие дни, когда ей удавалось вернуться к событиям той ужасной ночи, она обычно вспоминала только маску.

Джонни жил в многоквартирном доме на Кливс-Миллс. Сара приехала без четверти восемь, поставила машину за углом и позвонила в дверь подъезда. Они решили, что поедут на ее машине, потому что свою он отогнал в Хэмпден, чтобы отремонтировать в мастерской Тиббетса: вышел из строя подшипник колеса или что-то в этом роде. Джон сказал ей по телефону, что ремонт обойдется дорого, и тут же засмеялся таким знакомым смехом. Сара заливалась бы слезами, коснись это ее машины или **кошелька**.

Она прошла через вестибюль к лестнице мимо доски объявлений. Обычно та была вся утыкана рекламой мотоциклов, стереосистем и машинописных работ, просьбами подвезти в Канзас или Калифорнию, поисками попутчиков для поездки во Флориду, чтобы меняться за рулем и оплатить бензин в складчину. Но сегодня основную часть доски занимал большой плакат с надписью «Забастовка!». На нем был изображен сжатый кулак на байтовом фоне, символизировавшем пламя. Стоял конец октября 1970 года.

Джонни жил на втором этаже, и окна его квартиры, которую он шутливо называл «пентхаусом», выходили на улицу. Возле них можно было стоять в смокинге — совсем как Рамон Наварро*! — держать в руке пузатый бокал с десертным вином и наблюдать за бурлящей внизу жизнью городка — снующими такси, переливающимися неоновыми рекламами и жителями, расходившимися по домам после спектаклей и фильмов. В городе насчитывалось почти семь тысяч этажей, и это был один из них.

По сути, Кливе-Миллс представлял собой главную улицу с единственным светофором на перекрестке, переключавшимся на мигающий желтый после

шести вечера, парой дюжин магазинов и маленькой фабрикой по пошиву мокасин. Как и в большинстве других городков, окружавших Ороно, где располагался Университет штата Мэн, основным источником доходов в Кливс-Миллс являлись студенты, которым было нужно пиво, вино, бензин, рок-н-ролл, закусочные, наркотики, бакалея, жилье и кинотеатры. Кинотеатр назывался «Тень», и во время учебы там крутили некоммерческие фильмы и ностальгические ленты сороковых годов. Летом же репертуар составляли снятые в Европе вестерны с Клинтом Иствудом в главной роли.

Джонни и Сара окончили университет год назад, и оба преподавали в старшей школе Кливс-Миллс — одной из немногих еще не структурированных в окружную систему образования. Студенты, преподаватели и сотрудники администрации университета снимали в Кливсе жилье, и город неплохо жил на собираемые налоги. Старшая школа хорошо финансировалась и недавно обзавелась новенькой пристройкой с отличной библиотекой. Порой обыватели недовольно брюзжали по поводу университетской публики с ее заумными разговорами, антивоенными маршами и вмешательством в городские дела, но никогда не возмущались потоком нало Рамон Наварро (1899–1968) — романтический идол Голливуда, снимался до начала 30-х гг. XX в.

говых долларов, ежегодно стекавшихся в казну за уютные профессорские особнячки и многоквартирные дома, располагавшиеся в районе, который одни студенты называли «Голубым раем», а другие — «Бесстыжим кварталом».

Сара постучала в дверь, и Джонни ответил странно приглушенным голосом:

— Входи, Сара, открыто!

Слегка нахмурившись, она толкнула дверь. В квартире было совсем темно, если не считать чуть заметных отблесков от светофора, мигающего желтым чуть выше по улице. Мебель отбрасывала на стены черные тени.

— Джонни?

Решив, что перегорели пробки, Сара сделала осторожный шаг, и из темноты, прямо перед ней, вдруг возникло жуткое лицо из ночного

кошмара. Оно светилось каким-то потусторонним зеленым светом. Один широко открытый глаз смотрел на нее со страхом и болью, второй, прищуренный, пялился плотоядно и зловеще. Левая половина лица — та, что с открытым глазом, — с виду казалась нормальной, зато другая, перекошенная, не походила на человека: из-под толстых губ торчали кривые зубы, и они тоже светились.

Испуганно вскрикнув, Сара отшатнулась. Но тут включился свет, и она поняла, что находится в квартире Джонни, а не в загробном каземате: на стене фотомонтаж с Никсоном, торгующим автомобилями, на полу — плетеный коврик, сделанный матерью Джонни, и пустые бутылки, превращенные в подсвечники. Лицо перестало светиться, и Сара догадалась, что это дешевая маска на Хэллоуин. В открытой глазнице блестел голубой глаз Джонни.

Он стянул маску и весело улыбнулся:

— С Днем всех святых, Сара!

Ее сердце бешено колотилось. Джонни не на шутку напугал ее.

— Очень смешно!

Она повернулась к двери. Ей не нравилось, когда ее так пугали.

Джонни остановил Сару.

— Извини. Я не хотел напугать тебя.

— Думать надо! — Сара смерила его холодным взглядом, но злость уже проходила. Дело в том, что она не могла долго сердиться на Джонни. Сара не знала, любит ли Джонни, но не могла долго таить на него обиду или злиться. Сама мысль, что кому-то удавалось долго дуться на Джонни, показалась ей такой нелепой, что Сара невольно улыбнулась.

— Вот и славно! А то я уж решил, что ты собираешься меня бросить, приятель.

— Я — не приятель!

Он окинул ее взглядом.

— Я заметил это.

Джонни имел в виду ее просторную меховую шубку из искусственного енота или чего-то столь же сомнительного, и его простодушная откровенность снова вызвала у нее улыбку:

— В таком наряде не видно.

— А мне еще как видно!

Джонни обнял и поцеловал Сару. Сначала она не хотела отвечать на поцелуй, но, конечно же, ответила.

— Извини, что напугал тебя. — Он шутливо потерся носом о ее нос и, отпустив, взял маску. — Я подумал, тебе понравится. Хочу появиться в ней в пятницу в школе.

— Джонни, ты же сам провоцируешь нарушение дисциплины.

— Как-нибудь справлюсь. — Он усмехнулся. — И, черт возьми, не без оснований!

Сара каждый день приходила в школу, нацепив большие «учительские» очки и стянув сзади волосы в такой тугий пучок, что они, казалось, пищали от боли. В разгар лета она носила юбки почти до колен, тогда как у большинства учениц они едва прикрывали трусики. Сару это возмущало, ведь ее ноги были куда красивее. Она рассаживала учеников в алфавитном порядке, что — хотя бы по закону больших чисел — должно было развести главных смутьянов в разные стороны, и решительно отправляла нарушителей порядка к заместителю директора. Сара справедливо полагала, что тот должен отрабатывать пятьсот долларов в год, которые ему в отличие от нее приплачивают за «воспитательную» работу. Ее работа в школе была постоянной борьбой за дисциплину против сущего бича всех учителей-первогодков, именуемого Хулиганством. Особенно тревожил Сару своеобразный «суд присяжных» — общественное мнение учащихся, оценивавших всех новых учителей. В отношении ее они вынесли не слишком лестный «вердикт».

Джонни, казалось, не имел ни одного из тех свойств, которыми должен обладать хороший учитель. Он постоянно витал в облаках и неторопливо перемещался из класса в класс, часто опаздывая на урок из-за того, что с кем-то заболтался на перемене. Он позволял ребятам сидеть, кому с кем хочется, поэтому запомнить, кто где расположился, было невозможно, и хулиганы неизбежно группировались на задних рядах. Соверши такую оплошность Сара, она выучила бы имена учеников только к марту, а Джонни знал их назубок.

Он был высоким и немного сутулился, за что получил прозвище Франкенштейн. Джонни это не обижало, скорее, даже забавляло. Но почему-то на его уроках царили тишина и порядок, почти никто не прогуливал, а у Сары ученики постоянно сбегали с урока! «Суд присяжных», похоже, склонялся в пользу Джонни.

Еще десять лет, и ученики признают его лучшим учителем года! А вот Сару такая перспектива точно не ожидала, и она часто злилась, не понимая, почему это так.

— Хочешь пива на дорожку? Или вина? Или еще чего?

— Нет, но надеюсь, ты при деньгах. — Она взяла его за руку, решив простить. — Я всегда ем три горячие сосиски. И уж тем более на последней в году ярмарке округа.

Они собирались в Эсти — городок в двадцати милях к северу от Кливс-Миллс. Единственной, да и то сомнительной, претензией Эсти на значимость было проведение «Абсолютно последней фермерской ярмарки года в Новой Англии». Ярмарка закрывалась в пятницу, в День всех святых.

— Поскольку получка была в пятницу, с деньгами у меня совсем неплохо. Есть целых восемь долларов.

— Боже мой! — Сара закатила глаза. — Я всегда знала, что, сохранив целомудрие, обязательно встречу богатенького папика!

Джонни кивнул:

— Да, малышка, мы, сутенеры, просто купаемся в деньгах! Сейчас захвачу пальто и поедem.

Сара вдруг ощутила необычайную нежность и снова услышала внутренний голос, звучавший в последнее время все чаще и чаще: и в душе, и во время чтения, и при подготовке к урокам, и за одинокой трапезой. Этот голос походил на тридцатисекундные социальные ролики по телевизору:

Он отличный парень и все такое, с ним легко, весело, и он никогда не заставит тебя плакать. А что такое любовь? Может, она сводится именно к этому? Даже учась ездить на двухколесном велосипеде, человек обязательно падает и сбивает коленки. Это своего рода «переходный обряд». Так уж устроен мир.

— Иду в ванную, — сообщил Джонни.

— Давай. — Сара улыбнулась. Джонни из тех, кто всегда сообщает о своих естественных надобностях. Бог весть почему.

Она подошла к окну и выглянула на Мейн-стрит. На парковке возле закусочной О'Майка собирались ребяташки. Саре вдруг захотелось оказаться среди них и стать маленькой девочкой, чтобы мучившие ее проблемы остались в прошлом или, наоборот, перенеслись в далекое будущее. В университете все было просто и понятно. Там даже преподаватели жили в неведомой Нетландии, где могли оставаться вечно юными членами команды Питера Пэна и никогда не взрослеть. А Никсон, или Агню[3], на роль Капитана Крюка[4] всегда найдется.

Сара познакомилась с Джонни только в сентябре, когда они начали преподавать в одной школе, но знала его в лицо еще по лекциям в университете. Они посещали их вместе, и там Сару приняли в тайное студенческое братство «Дельта- Тау-Дельта». Джонни был полной противоположностью Дэну. Тот, очень красивый, язвительно остроумный и непоседливый, отчего Саре всегда становилось немного не по себе, много пил и проявлял безудержную страсть в постели. Иногда, выпив, Дэн становился злым и жестоким. Она никогда не забудет того памятного вечера в бангорском ресторане «Латунные перила». Мужчина за соседним столиком подшутил над чем-то, сказанным Дэном о футбольной команде университета, и Дэн осведомился, не желает ли тот отправиться домой со свернутой шеей. Мужчина, на вид лет сорока, извинился, но Дэн не успокоился. Напрашиваясь на драку, он начал отпускать колкости по поводу спутницы мужчины. Сара взяла Дэна за руку и попросила уняться.

Он стряхнул ее руку, и в его серых глазах появилась странная пустота, отчего слова у Сары застряли в горле. Потом Дэн вышел на улицу с мужчиной и страшно избил его. Он бил его до тех пор, пока тот не начал кричать. Сара никогда раньше не слышала, как кричат от боли мужчины. Это было ужасно. Им пришлось быстро уехать, потому что бармен, увидев, что происходит, вызвал полицию. Она точно отправилась бы домой одна.

Правда? Ты уверена? — ехидно поинтересовался внутренний голос, но до студенческого городка было не меньше двенадцати миль, автобусы после шести уже не ходили, а добираться на попутке Сара побоялась.

По дороге Дэн не произнес ни слова. На щеке у него была царапина. Всего одна. Добравшись до общежития, Сара заявила Дэну, что больше не хочет его видеть.

— Как скажешь, малышка, — отозвался он с равнодушием, которое задело ее. Однако после его второго телефонного звонка Сара согласилась встретиться с ним, хоть и ненавидела себя за это.

Они продолжали встречаться весь осенний семестр последнего курса. Дэн пугал ее и чем-то необъяснимо притягивал. Он был ее первым и единственным настоящим любовником, и ничего не изменилось даже сейчас, накануне Дня всех святых 1970 года.

Сара и Джон ни разу не занимались любовью.

Дэн был очень хорош в постели. Он пользовался ею, но все равно был хорош. Дэн никогда не предохранялся, поэтому Саре пришлось отправиться в университетский медпункт. Там, краснея и заикаясь, она пожаловалась на болезненные месячные и получила противозачаточные таблетки. В постели Дэн думал только о себе. Она никогда не испытала бы оргазма, если бы не грубая ненасытность Дэна. За несколько недель до расставания с ним Сара начала ощущать, что ей, как зрелой женщине, нужен здоровый секс. Это чувство странно соединялось с другими: она не принимала ни себя, ни Дэна, понимала, что секс, основанный на унижении и подавлении, не может быть хорошим, не уважала себя за то, что не способна прекратить столь сомнительные отношения.

Конец наступил быстро в начале этого года, когда Дэн решил уйти из университета.

— Какие планы на будущее? — робко спросила Сара, сидя на кровати его соседа по комнате и наблюдая, как он укладывает вещи в два чемодана. Ей хотелось задать и более личные вопросы. Например, устроится ли Дэн где-нибудь неподалеку? Станет ли искать работу? Продолжит ли учебу на вечерних курсах? Собирается ли поддерживать отношения с ней? Задать последний вопрос казалось особенно трудно, потому что она не была готова ни к какому ответу. Но ответ на невинный вопрос Сары шокировал ее.

— Наверное, Вьетнам.

— **Что?!**

Дэн покопался на полке в бумагах и бросил ей конверт. Повестка из призывного пункта в Бангоре предписывала ему явиться на медкомиссию.

— А отказаться нельзя?

— Нет. Не знаю. Может быть. — Он закурил сигарету. — Ноли пытаться не буду.

Она смотрела на него с изумлением.

— Мне здесь все осточертело. Колледж, потом работа, семья. Ты, наверное, предполагала выйти за меня замуж. Не думай, что я не размышлял об этом. Но у нас ничего не получится. Ты это знаешь, и я тоже. Мы не подходим друг другу, Сара.

Она выскочила из комнаты, разом получив ответы на все свои вопросы, и больше Дэна не видела. Несколько раз Сара встречалась с его соседом по комнате в общежитии. Между январем и июнем он получил от Дэна три письма. Его призвали и отправили в какой-то тренировочный центр. Больше никаких вестей сосед от Дэна не получал. И Сара Брэк-нелл тоже.

Сначала она думала, что переживет расставание легко. Все эти печальные и романтические сентиментальные песни, звучавшие по радио после полуночи, не пробуждали в ней никаких чувств. Сара не плакала, и у нее не было тяжелых переживаний, которые обычно связывают с разрывом. Она не подцепила другого парня, чтобы развеяться, не стала ходить по барам. Большую часть вечеров той весны Сара проводила у себя в комнате — в

общежитии. Она чувствовала себя нормально и испытывала облегчение.

Только познакомившись с Джонни, Сара поняла, каким кошмаром был ее последний семестр. Это случилось на вечеринке, устроенной в школе для учеников-новобранцев, где она и Джонни случайно оказались в числе учителей, присматривающих за порядком.

Подобного не замечаешь до тех пор, пока не знаешь другой жизни. Они походили на двух осликов, внезапно столкнувшихся на вокзале где-то на западе. Один всю жизнь прожил в городе и не носил на спине ничего, кроме седла. Второй принадлежал рудокопу. Он был нагружен снаряжением для лагеря, для приготовления пищи и четырьмя мешками с образцами породы весом в пятьдесят фунтов каждый. Спина прогнулась от постоянной нагрузки, но на вопрос городского ослика: «Как ты таскаешь такую тяжесть?» — второй ответил: «Какую тяжесть?»

Оглядываясь назад, Сара поражалась тогдашнему ощущению пустоты. Те пять месяцев у нее было что-то похожее на дыхание Чейна-Стокса, характерное для больных в состоянии комы. Или даже восемь месяцев, если считать это лето, когда она сняла маленькую квартирку на Флэгг-стрит в Визи, штат Мэн, и ничего не делала — только искала работу учителя и читала беллетристику. Она вставала, завтракала, ходила на занятия или запланированные собеседования, возвращалась домой, обедала, ложилась отдохнуть — причем иногда послеобеденный сон затягивался на целых четыре часа! — потом снова ела, читала до половины двенадцатого, смотрела ток-шоу Дика Каветта, пока глаза не начинали слипаться, и засыпала до утра. Казалось, она вообще ни о чем не **думала**. Жизнь превратилась в рутину. Иногда Сара ощущала в паху что-то ноющее, называемое в романах **неосуществленным желанием**, и тогда принимала холодный душ или подмывалась. Вскоре эти процедуры стали болезненными, но при этом доставляли ей какое-то горькое и непонятное удовлетворение.

Порой Сара даже гордилась, что так стойко все переносит. О Дэне почти не вспоминала.

Что за Дэн? Ха-ха! Только потом она поняла, что за эти восемь месяцев вообще не думала ни о чем и ни о ком, но тогда не осознавала этого. Эти восемь месяцев страну сотрясали волнения, но Сара не замечала их.

Марши, полицейские в касках, нападки на прессу Спиро Агню, расстрел в Кентском университете, беспокойные летние месяцы, когда на улицах бесчинствовали агрессивные радикалы, — все это казалось не более чем очередным сюжетом для обсуждения на ночном телешоу. Сара была довольна собой — тем, как легко и спокойно переносит расставание с Дэном, как налаживается ее жизнь, тем, как все замечательно.

Какая тяжесть?

Начав преподавать в старшей школе Кливс-Миллс, Сара испытала душевный подъем, впервые — после шестнадцати лет непрерывной учебы — перестав быть ученицей. И познакомилась на той вечеринке с Джонни Смитом — вот уж никогда не думала, что на свете действительно встречаются люди с таким именем и фамилией! Сара вдруг ощутила себя женщиной, перехватив его заинтересованный взгляд — не бесстыдный и наглый, а по достоинству оценивший, как привлекательна она в светло-сером вязаном платье.

Он пригласил ее в кино на «Гражданина Кейна», и она согласилась. Они хорошо провели время, но все же Сара решила, что он «не фонтан». Хотя ей и понравился его скромный прощальный поцелуй, но на кинозвезду и секс-символ типа Эррола Флинна он явно не тянул. Джонни мастерски рассказывал забавные истории и веселил Сару, однако она заподозрила, что он мечтает стать комиком вроде Генри Янг-мэна, когда станет взрослым мужчиной.

Позже тем же вечером, сидя в своей спальне и наблюдая за перипетиями в фильме, где Бетт Дэвис играла какую-то стерву-карьеристку, Сара вновь вернулась к этим мыслям. Поразившись своей несправедливости, она замерла, так и не откусив от яблока.

Внутренний голос, которого Сара не слышала почти год — не голос совести, а тот самый, из прошлой жизни, — вдруг снова напомнил о себе: **Ты хочешь сказать, что на Дэна он совсем не похож. Ведь так?**

Нет! — заверила она себя. **Я больше не думаю о Дэне! Его... давно уже нет!**

Как бы не так! — возразил голос. **Дэн ушел только вчера.**

И тут до нее дошло, что она вовсе не случайно сидела одна у телевизора и смотрела совсем не интересный ей фильм, неосознанно стараясь занять себя чем угодно, лишь бы не думать, ибо думать Сара могла только о себе и о своей потерянной любви.

Это открытие так потрясло ее, что она не сдержала слез.

Сара встретила с Джонни, когда он пригласил ее на второе, а потом и на третье свидание, и это открыло ей, во что она превратилась. Сара вдруг поняла, что эти свидания для нее — совсем необычны. Сару, красивую и умную девушку, не раз приглашали встретиться после ее разрыва с Дэном, но все свидания ограничились невинными походами в закусочную с соседом Дэна по комнате. Сара с горечью призналась себе, что преследовала при этом лишь одну цель — вызнать у бедного парня что-то про Дэна.

Какая тяжесть?

После окончания университета большинство подруг по колледжу разъехались кто куда. Вопреки воле своих богатых родителей, вращавшихся в высших кругах бангорского общества, Бетти Хэкман отправилась в Африку по линии Корпуса мира, и Сара часто размышляла о том, как угандийцы воспринимают Бетти с ее удивительно белой и не поддающейся загару кожей, пепельно-белыми волосами и утонченной красотой. Дини Стаббс переехала в Хьюстон, где училась в аспирантуре. Рэчел Юргенс вышла замуж и теперь вынашивала ребенка где-то на просторах западного Массачусетса.

Сара нехотя призналась себе, что Джонни Смит — первый друг, появившийся в ее жизни за долгое-долгое время. А ведь при окончании школы ее признали «Мисс Популярность» класса! Пару раз Сара сходила на свидания с другими учителями. Так, для разнообразия. Новый учитель математики Джин Седекки оказался занудой со стажем, а Джордж Раундс сразу попытался затащить ее в постель. Она влепила ему пощечину, а на следующий день он имел наглость подмигнуть ей, когда они случайно столкнулись в коридоре школы.

С Джонни же было легко и весело. **И он** нравился ей, в частности, и в сексуальном плане, но насколько сильно, Сара не знала. По крайней мере

пока. В прошлую пятницу они вместе ездили на октябрьскую конференцию учителей в Уотервилле, а потом он пригласил Сару к себе на домашнее спагетти. Пока готовился соус, Джонни сбегал в магазин и вернулся с двумя бутылками крепленого ягодного вина. На Джонни, сообщавшего всем, что идет в ванную, это было очень похоже: его отличала удивительная непосредственность.

После ужина они смотрели телевизор и обнимались. Бог знает, чем бы это закончилось, не приди к нему неожиданно пара приятелей из университета с петицией факультета о свободе преподавания. Они просили Джонни посмотреть ее и высказать мнение. Он выполнил просьбу, хотя и не так охотно, как обычно. Заметив это, Сара втайне порадовалась. В паху у нее сладко заныло, и она с удовольствием констатировала появление **неосуществленного** желания, и в тот вечер под холодный душ не встала.

Сара отвернулась от окна и подошла к дивану, на который Джонни бросил маску.

— С Днем всех святых! — хмыкнула она.

— Что? — переспросил Джонни из ванной.

— Я сказала, что уеду одна, если ты не поторопишься.

— Выхожу.

— Давай!

Сара провела пальцем по маске, левая сторона которой изображала доброго доктора Джекила, а свирепая правая — жестокого Хайда. Интересно, как далеко зайдут их отношения ко Дню благодарения? Или к Рождеству?

От этой мысли Сару охватило приятное возбуждение. Джонни, совершенно нормальный и славный парень, нравился ей.

Сара снова бросила взгляд на маску: жуткая гримаса Хайда словно вырастала из приятного лица Джекила, как раковая опухоль. Нанесенная сверху флуоресцентная краска светилась в темноте.

А что такое «нормальный»? Ничем не примечательный и в общем-то

никакой! Хотя нет — будь он таким «нормальным», разве ему пришло бы в голову надеть эту маску в классе и рассчитывать, что там сохранится порядок? Как ребята могут называть его Франкенштейном и при этом уважать и любить? И что такое «нормальный»?

Если он захочет провести со мной ночь, я, наверное, соглашусь.

При этой мысли на душе у Сары потеплело, будто она вспомнила о доме.

— Чему ты улыбаешься?

— Ничему. — Она бросила маску на диван.

— Нет, правда... Чему-то приятному?

— **Джонни!** — Сара положила руки ему на грудь и встала на цыпочки, чтобы поцеловать. — **Есть вещи, о которых не говорят. Поехали!**

2

Они задержались в вестибюле, пока Джонни застегивал куртку, и взгляд Сары снова скользнул по плакату «Забастовка!» со сжатым кулаком на пылающем фоне.

— В этом году студенты снова выйдут протестовать, — пояснил он, проследив за ее взглядом.

— Из-за войны?

— На этот раз не только. Вьетнам, призыв резервистов и расстрел в Кентском университете всколыхнули многих. Сомневаюсь, что когда-нибудь раньше в аудиториях сидело так мало тихонь.

— Это ты о ком?

— О тех, кто думает только об учебе, кому наплевать на систему, лишь бы она обеспечила им годовой доход в десять тысяч долларов. О тех, кому ни до чего нет дела и кого волнует только собственная шкура. Но их времена прошли. Люди проснулись. И грядут большие перемены!

— Тебе это так важно? Даже после диплома?

Он выпрямился и расправил плечи.

— Мадам, я — Смит, выпускник Университета Мэна 70- го года. Плоть от плоти старого Мэна.

Сара улыбнулась:

— Ладно, пошли. Я хочу покататься на аттракционах, пока их еще не закрыли.

— Отлично! — Он взял ее за руку. — У меня как раз за углом припаркована твоя машина.

— И еще у тебя восемь долларов! Нас ждет чудесный вечер.

Несмотря на затянутое облаками небо, дождя не было, и для конца октября погода стояла довольно теплая. Сквозь облака пробивался месяц. Джонни обнял Сару за плечо, и она прильнула к нему.

— Знаешь, Сара, я постоянно думаю о тебе, — вдруг произнес он, как бы между прочим. Но именно «как бы». Ее сердце замерло, а потом сильно забилось.

— Правда?

— Наверное, этот Дэн причинил тебе много боли, верно?

— Не знаю, — призналась она.

Мигавший желтым светофор в квартале за ними отбрасывал на тротуар длинные тени.

Джонни, казалось, размышлял над ее ответом.

— Я бы не хотел причинить тебе боль.

— Знаю. Но, Джонни... пусть пройдет время.

— Да, — согласился он. — Время. Надеюсь, оно у нас есть.

Потом Сара не раз вспоминала эту фразу, но еще чаще она звучала в ее снах, уже пронизанная невыразимой болью и чувством потери.

Они обогнули угол, и Джонни подержал дверцу, пока Сара усаживалась. Затем обошел машину и сел за руль.

— Замерзла?

— Нет, вечер сегодня теплый.

— Это верно, — сказал он, и машина тронулась.

Ее мысли вернулись к нелепой маске. Глаз Джонни в большой глазнице удивленной половины лица доктора Джекила.

— **Послушай, вчера я изобрел отличный коктейль, но вряд ли его**

станут подавать в барах.

С этой половиной маски все было в порядке, потому что за ней угадывался Джонни. Но половина Хайда внушала Саре непреодолимый ужас. За щелкой глаза мог скрываться кто угодно. Даже Дэн.

К тому времени, когда они добрались до ярмарки, там, в темноте, переливались мигающие светом гирлянды, и длинные неоновые спицы «чертова колеса» взмывали вверх и опускались вниз. Сара уже не думала о маске. Она приехала со своим парнем, и впереди их ждал чудесный вечер.

Они прошли по центральной аллее, держась за руки и почти не разговаривая, и Сара снова почувствовала себя маленькой девочкой, которую привезли на ярмарку. Она выросла в Саут-Пэрисе, небольшом городке с бумажным комбинатом, и самая крупная ярмарка округа устраивалась во Фрайбурге. Для Джонни, чье детство прошло в Паунале, таким местом, наверное, был Топшем. Но все эти ярмарки походили одна на другую и с годами почти не менялись. Паркуешь машину на грязной стоянке, платишь два доллара при входе и, оказавшись внутри, уже чувствуешь запах горячих сосисок, жареного лука и перца, бекона, «сахарной ваты», опилок и сладковатый аромат конского навоза. Слышишь металлический лязг цепной передачи на детских американских горках, прозванных «Полевая мышь», глухие хлопки выстрелов в тире. Из динамиков, расставленных по кругу в большой палатке, доносится металлический голос ведущего, который выкрикивает номера игрокам в бинго, сидящим за длинными столами на складных стульях, позаимствованных в местном похоронном бюро. Рев рок-н-ролла сливается с органом. Зазывалы уговаривают всех не пожалеть двадцати пяти центов на два выстрела и при попадании выиграть приз — набитую опилками собачку. Все здесь как раньше, в детстве, и ты снова превращаешься в охваченного азартом ребенка, которого так легко завлечь и одурачить.

— Сюда! — Сара остановилась. — Вот этот аттракцион! Хочу на «Хлыст»!

— Как скажешь, — согласился Джонни и протянул кассирше в будке доллар. Та, почти не отрывая глаз от журнала, занимавшего все ее внимание, сунула ему два красных билета и двадцать центов сдачи.

— Что значит «как скажешь»? Что еще за тон?

Он пожал плечами, изображая невинность.

— Дело не в том, что ты сказал, Джон Смит, а как ты это сказал.

Аттракцион остановился, и пассажиры потянулись мимо них. В основном это были подростки в голубых армейских рубашках из тяжелого сукна или в расстегнутых куртках- алясках. Джонни провел ее по деревянному

помосту и вручил билеты служителю, похожему на самое скучающее разумное существо во вселенной.

— Просто дело в том, — объяснил он, пока служитель усаживал их в кабинке и застегивал ремни безопасности, — что эти кабинки вращаются. Верно?

— Верно.

— И закреплены **на** платформе, которая раскручивается, так?

— Так.

— И когда платформа раскрутится, то кабинки своим вращением создают перегрузки, лишь немногим уступающие тем, что испытывают астронавты при взлете с мыса Кеннеди. И у меня был один знакомый...

Джонни наклонился к ней с самым серьезным видом.

— Опять выдумываешь? — неуверенно осведомилась Сара

— Так вот, в пять лет он упал со ступенек на крыльце, и у него на шейном позвонке образовалась тонюсенькая трещинка. А через десять лет он пошел прокатиться на «Хлысте», на ярмарке в Топшеме, и... — Джонни пожал плечами и сочувственно похлопал ее по руке. — Но может, все и обойдется, Сара.

— Ой! Я хочу вый...

В это время платформа тронулась и начала крутиться все быстрее и быстрее, пока ярмарка и центральная аллея не превратились в наклонное смазанное пятно из огней и лиц. Сара засмеялась, завизжала и начала колотить Джонни.

— Тонюсенькая трещинка! — кричала она. — Я устрою тебе тонюсенькие трещинки, когда выйдем, врун несчастный!

— Чувствуешь что-нибудь в шейном позвонке? — участливо поинтересовался он.

— Врун несчастный!

Они вертелись все быстрее и быстрее, и на десятом или пятнадцатом круге платформы он наклонился и поцеловал ее. Кабинка в этот момент тоже сделала оборот, с силой сливая их губы в волнующе-жарком поцелуе. Потом платформа замедлила ход, кабинка вращалась все медленнее и наконец, покачиваясь, замерла на месте.

Они вышли, и Сара схватила Джонни за шею.

— «Тонюсенькая трещинка»! Как не стыдно! — прошептала она.

Джонни обратился к проходившей мимо полной женщине в синих брюках и дешевых легких туфлях:

— Эта девушка пристает ко мне, мэм. Если встретите полицейского, пожалуйста, пришлите его.

— Все норовите умничать! — Зажав еще крепче сумку под мышкой, женщина ускорила шаг в сторону палатки с бинго.

Сара прыснула:

— Ты невозможен!

— Да, я плохо кончу, — согласился Джонни. — Моя мама всегда так говорила.

Они зашагали рядом по центральной аллее, приходя в себя после головокружительного аттракциона: земля под ногами еще качалась, и перед глазами все плыло.

— Твоя мама очень религиозна, верно? — спросила Сара.

— Законченная баптистка. Но старается держать себя в рамках. Конечно, когда я приезжаю домой, она подсовывает мне всякие брошюры, но особо не докучает. Мы с отцом уже привыкли. Раньше я затевал с ней всякие беседы на эту тему, типа — с кем сожительствовал Каин, если его родители были единственными людьми на Земле, но потом решил, что это некрасиво, и перестал. Я сам два года назад искренне верил, что Юджин Маккарти

может спасти мир. Баптисты по крайней мере не выдвигают Иисуса в президенты.

— А твой отец далек от религии?

Джонни засмеялся:

— Не знаю, но что он не баптист — это точно. — Подумав, Джонни добавил: — Он — плотник.

Сара улыбнулась:

— А что сказала бы твоя мама, узнав, что ты встречаешься с никудышной католичкой?

— Попросила бы позвать тебя в гости и вручила бы несколько брошюр.

Сара остановилась.

— А ты хотел бы пригласить меня в гости к родителям?

— Да, я хотел бы познакомить тебя с ними... а их — с тобой.

— Зачем?

— А разве ты сама не знаешь? — мягко спросил он.

— Джонни, ты мне очень нравишься.

— Ты мне больше чем нравишься.

— Покатай меня на «чертовом колесе»! — вдруг потребовала Сара. Больше никаких разговоров на эту тему, пока она все не осмыслит и не разберется в себе. — Я хочу оказаться на самой верхотуре, откуда все видно.

— А позволишь мне поцеловать тебя там?

— Два раза, если успеешь.

Они вернулись к кассе, где Джонни заплатил еще доллар. Покупая билеты, он сказал Саре:

— Со мной в школе учился парень, который работал на ярмарке. Он рассказывал, что при монтаже этих аттракционов многие рабочие напиваются в стельку и не завинчивают до конца...

— Ну тебя к черту! — беззаботно ответила она. — Никто не живет вечно!

— Но все норовят, заметила? — Джонни влез за ней в качающуюся кабинку.

Наверху ему удалось поцеловать ее несколько раз. Октябрьский ветер трепал их волосы, а расходящиеся веером аллеи ярмарки напоминали светящийся циферблат часов.

После «чертова колеса» они покатались на детской карусели, хотя Джонни признался Саре, что чувствует себя на ней полным придурком. Гипсовая лошадка была такой маленькой, что запросто уместилась между его расставленными ногами. В отместку Сара рассказала ему, что училась в школе с одной девочкой, у которой было слабое сердце, но никто об этом не знал, и вот однажды она пошла со своим ухажером покататься на карусели и...

— Смотри, как бы не пришлось пожалеть, — серьезно предупредил ее Джонни. — Отношения нельзя строить на обмане, Сара.

В ответ она послала ему воздушный поцелуй.

После карусели они отправились в «зеркальный лабиринт». Вполне достойный аттракцион напомнил ей о старой учительнице из рассказа Брэдли «Кто-то страшный к нам идет», едва не потерявшейся там. Сара видела, как неловко топтался в отражениях Джонни и махал ей рукой. Десятки Джонни махали рукой десяткам Сар. Они обходили друг друга, мелькали под невозможными углами и, казалось, куда-то исчезали. Она поворачивала то налево, то направо, несколько раз натыкалась носом на обычное прозрачное стекло в раме и беспомощно хихикала, отчасти из страха перед замкнутым пространством. Одно зеркало превратило ее в сидящего на корточках карлика из книг Толкина. В другом Сара оказалась доведенной до абсурда мечтой всех девчонок-подростков о длинных ногах: ее голени тянулись аж на четверть мили.

Наконец они выбрались наружу; Джонни купил им по хот-догу и огромный бумажный стакан с жареным во фритюре картофелем, вкусным, как в детстве.

Они прошли заведение, перед которым стояли три девушки в юбках и бюстгалтерах с блестками. Они пританцовывали под старый хит Джерри Ли Льюиса под надзором зазывалы с микрофоном в руках.

— Давай же, малышка... — взывал Джерри Ли под зажигательные переливы фортепьяно, разносившиеся над аллеями, посыпанными

опилками. — Схвати-ка быка за рога... давай же, малышка... не будем валять дурака...

— «Плейбой-клуб»! — Джонни засмеялся. — В Харрисон-Бич было подобное заведение. Зазывала утверждал, что девчонки с завязанными за спиной руками могли снять с тебя очки.

— Оригинальный способ подцепить какую-нибудь заразу, — заметила Сара, и Джонни покатился со смеху.

Усиленный динамиком голос зазывалы перекрывали бешеные звуки фортепьяно, по клавишам которого Джерри Ли колотил с неистовым темпераментом. Постепенно все это стихало за их спинами. Музыка походила на старинное авто с форсированным двигателем, не желавшее сдаваться и, как оживший призрак, рассекавшее наше время, возродившись из канувших в Лету пятидесятых.

— Смелей, ребята, заходите, не стесняйтесь! Разве вы хуже девчонок? А они у нас ничего не стесняются! Заходите и убедитесь сами! Без шоу в «Плейбой-клуб» ваше образование неполное!

— Не хочешь вернуться и завершить образование? спросила Сара.

Он улыбнулся:

— Базовое образование по этому курсу я уже получил. А с докторской степенью думаю чуть повременить.

Она взглянула на часы.

— Уже поздно, Джонни. А завтра на работу.

— Да. Хорошо, что завтра пятница.

Сара вздохнула, вспомнив, что на пятом уроке школьники работают самостоятельно, а на седьмом — современная литература. И оба класса — на редкость хулиганистые.

Они начали пробираться к главной аллее. Толпа потихоньку редела. Аттракцион, на котором они кружились, уже закрылся, двое рабочих, зажав

сигареты без фильтра в уголках губ, натягивали брезент на «Полевую мышь», а в павильончике «Веселые кольца» уже тушили свет.

— А ты занята в субботу? — спросил Джонни неожиданно робко. — Понимаю, что стоило побеспокоиться раньше, но...

— Есть кое-какие планы.

— Понятно.

Его удрученный вид устыдил Сару, ей уже не хотелось его дразнить.

— Я собиралась провести время с тобой.

— Правда? Это здорово! — Джонни радостно улыбнулся.

Сара снова услышала внутренний голос, иногда неотличимый от настоящего:

Тебе снова хорошо, Сара. Ты опять счастлива. Разве это не чудесно?

— Еще бы! — Приподнявшись на мысочки, Сара поцеловала Джонни и быстро продолжила, лишая себя возможности передумать: — В Визи мне иногда одиноко. Пожалуй, я... могла бы остаться у тебя на ночь.

В его взгляде было столько теплоты и чувства, что ее захлестнула нежность.

— Ты серьезно, Сара?

— Более чем.

— Хорошо! — Джонни обнял ее.

— Ты уверен?

— Боюсь, как бы ты не раздумала.

— Я не раздумаю, Джонни.

Он обнял ее еще крепче.

— Это будет моя самая счастливая ночь.

В этот момент они проходили мимо «Колеса фортуны», и Сара позже вспомнит, что в той части центральной аллеи лишь этот павильон еще не закрылся. Хозяин только что закончил подметать утрамбованный игроками пол, надеясь найти монетки, случайно соскользнувшие с игрового барабана. Сара подумала, что это, наверное, последнее, что он делает перед закрытием. За хозяином располагалось большое колесо со спицами, украшенное горевшими лампочками. Наверное, он услышал последние слова Джонни, потому что машинально вернулся на свое рабочее место, все еще выискивая взглядом заваливавшиеся на полу монетки.

— Эй, мистер, если вы в ударе, крутаните «Колесо фортуны» и превратите свои центы в доллары. Поставьте хоть одну монетку, и колесо завертится!

Джонни обернулся на голос.

— Джонни?

— Он правильно сказал, я действительно в ударе! — улыбнулся он. — Но если ты против...

— Да нет, попробуй. Только недолго.

Джонни бросил на нее откровенно оценивающий взгляд, и Сара, вдруг почувствовав слабость в ногах, представила себе, как хорошо им будет вместе. В животе что-то опустилось, и от желания близости ей стало немного не по себе.

— Конечно, недолго.

Он посмотрел на хозяина аттракциона. Центральная аллея за ними уже опустела, небо расчистилось, и заметно похолодало. У всех троих вырывались изо рта клубы пара.

— Ну как? Попытаете счастья, молодой человек?

— Да.

Когда они приехали на ярмарку, Джонни переложил деньги в нагрудный

карман и теперь вытащил все, что осталось: доллар и восемьдесят пять центов.

Игровое поле представляло собой полоску желтого пластика с цифрами. Оно походило на поле в рулетке, но Джонни подумал, что в Лас-Вегасе такая низкая вероятность выигрыша сразу отбила бы у игроков охоту попытать счастья. Выигрыш при ставке на серию цифр приносил лишь двойной размер ставки. Помимо обычного зера, имелось еще и двойное; при этом всегда выигрывал хозяин. Джонни указал на это, но хозяин только пожал плечами:

— Если вам больше нравится Лас-Вегас, поезжайте туда. Что тут скажешь?

Но Джонни был в ударе. После сомнительной шутки с маской вечер, начавшийся так несуразно, складывался все лучше и лучше. Это был его самый удачный вечер за долгие годы, а может, и за всю жизнь. Он взглянул на Сару. Она покраснела, и ее глаза светились.

— Как думаешь, Сара?

Она покачала головой:

— Для меня это — китайская грамота. Что нужно делать?

— Поставить на цифру. Или красное/черное. Или чёт/ нечет. Или последовательность из десяти цифр. Выигрыши везде разные. — Джонни посмотрел на хозяина, и тот ответил равнодушным взглядом. — Или по крайней мере должны быть разными.

— Поставь на черное, — предложила Сара. — Надеюсь, повезет.

— Черное, — повторил Джонни и положил десять центов на черное поле.

Хозяин уныло посмотрел на единственную монетку, лежавшую на игровой доске, и вздохнул:

— Крупная ставка, ничего не скажешь!

Он повернулся к колесу.

Джонни рассеянно дотронулся до лба и вдруг сказал:

— Подождите!

После чего положил монету в двадцать пять центов на поле «11–20».

— Все?

— Теперь все.

Хозяин крутанул колесо, и оно завертелось в переливе лампочек, мелькая красным и черным. Джонни снова задумчиво потер лоб. Колесо замедлило вращение, и стало слышно похожее на метроном тиканье, когда язычок трещотки — указатель выпавшего номера — задевал маленькие штырьки, разделявшие сектора с цифрами. Он дошел до 8, перескочил 9 и, казалось, остановился на 10, но все же перевалил на 11 и замер.

— Леди проиграла, джентльмен выиграл! — объявил хозяин.

— Ты выиграл, Джонни?

— Похоже на то, — ответил он, пока хозяин добавлял два четвертака к тому, что лежало на игровом поле. Сара радостно вскрикнула, даже не огорчившись, что хозяин забрал ее десятицентовик.

— Я же говорил, что мне сегодня везет, — заметил Джонни.

— Везение — это два раза, а один раз — случайность, — проговорил хозяин.

— Давай попробуем еще, Джонни, — предложила Сара.

— Хорошо. Оставляю как есть.

— Запускаю?

— Да!

Хозяин снова крутанул колесо, и, пока оно вращалось, Сара шепнула Джонни:

— Говорят, у них здесь все подстроено, чтобы всегда выигрывать.

— Так было раньше. Теперь власти следят, чтобы такого не было, и хозяева зарабатывают на жульническом занижении размера выигрыша.

Колесо замедляло ход и щелкало все реже и реже. Указатель миновал 10 и вошел в последовательность, выбранную Джонни.

— Ну же, давай, давай! — закричала Сара, и пара проходивших мимо подростков остановилась посмотреть.

Деревянный язычок, отбивая все более продолжительные паузы, миновал 16, затем 17 и остановился на 18.

— Джентльмен снова выиграл! — объявил хозяин и добавил еще шесть четвертаков к трем на игровом поле.

— Ты — настоящий богач! — восхитилась Сара и поцеловала Джонни.

— Вам и правда везет! — согласился хозяин. — Такую удачу грех упускать!

— Попробовать еще раз? — спросил Джонни у Сары.

— Конечно!

— Давайте-давайте, — сказал подросток со значком Джими Хендрикса на куртке. — Этот тип раздел меня сегодня на четыре доллара. Я не прочь, если вы его взгреете.

— Тогда ты тоже поставь, — предложил Джонни Саре и, забрав из стопки в девять монет одну, дал ей. Подумав, она поставила на 21. На игровом поле значилось, что выплаты по ставкам на один номер составляют десять к одному.

— А вы по-прежнему ставите на серию, верно?

Джонни посмотрел на восемь двадцатипятицентовых монет и потер лоб, будто чувствовал приближение головной боли. Внезапно он забрал монеты и зажал их в кулаке.

— Нет. Крутаните для леди. Я понаблюдаю.

— Джонни? — Сара удивленно посмотрела на него.

— Так, предчувствие. — Он пожал плечами.

Хозяин закатил глаза, ясно давая понять, как он устал от человеческой глупости, и крутанул колесо. Оно остановилось на двойном zero.

— Выигрывает заведение, выигрывает заведение! — радостно пропел хозяин, и четвертак Сары исчез в кармане его фартука.

— Это честно, Джонни? — возмущенно спросила Сара.

— Zero и двойное zero приносят выигрыш хозяину, — объяснил он.

— Тогда ты правильно сделал, что не стал ставить.

— Похоже, так.

— Крутить дальше, или я закрываюсь? — поинтересовался хозяин.

— Крутите дальше. — Джонни поставил монеты в две стопки на третий десяток цифр.

— Как думаешь, какой здесь можно получить доход за один вечер? — Сара не сводила глаз с вращающегося колеса.

К наблюдающим подросткам присоединились две пары взрослых. Мужчина, похожий на строителя, ответил:

— От пяти до семи сотен долларов.

— Вашими бы устами... — отозвался хозяин.

— Только не прибедняйся! — ответил похожий на строителя мужчина. — Я работал на такой штуке двадцать лет назад. От пяти до семи сотен за вечер, а в субботу — две штуки, не напрягаясь. И это если не жульничать!

Джонни смотрел на колесо; оно двигалось уже медленно, и можно было различить цифры секторов. Указатель миновал zero, двойное zero, первый

десяток. Поплыли цифры второго десятка.

— Не дойдет! — засомневался один из подростков.

— Подождем, — произнес Джонни странным голосом. Сара взглянула на него: открытое лицо Джонни исказилось от напряжения, голубые глаза потемнели и стали чужими.

Указатель замер на 30.

— Угадал! Угадал! — невесело произнес нараспев хозяин, а зрители восторженно закричали. Похожий на строителя мужчина хлопнул Джонни по спине с такой силой, что тот пошатнулся. Хозяин вытащил из-под прилавка сигарную коробку, отсчитал четыре банкноты по доллару и положил возле восьми четвертаков Джонни.

— Хватит? — спросила Сара.

— Еще один раз, — ответил Джонни. — Если выиграю, мы возместим все расходы по ярмарке и стоимость бензина. Если проиграю, потеряю полдоллара или околотога.

— Ой-ё-ёй! — воспрянув духом, оживился хозяин. — Ставьте, где глянется, где вам больше нравится! Походите, не стесняйтесь, не в театре — развлекайтесь! Колесо крути- верти, и удачу принеси!

Похожий на строителя рабочий и двое подростков подошли ближе и встали возле Джонни и Сары. Посовещавшись, подростки набрали полдоллара мелочью и поставили на второй десяток. Похожий на строителя рабочий, назвавшийся Стивом Бернхардтом, поставил доллар на чёт.

— А вы? — спросил хозяин у Джонни. — Оставляете там, где сейчас?

— Да.

— Искушаете судьбу? — поинтересовался подросток.

— Похоже на то, — ответил Джонни, и Сара улыбнулась ему.

Бернхардт внимательно посмотрел на Джонни и вдруг переложил свой

доллар на третий десяток.

— Будь что будет! — вздохнул подросток, говоривший про судьбу, и последовал его примеру, переложив свои и приятеля пятьдесят центов туда же.

— Все яйца в одной корзине! — пропел хозяин. — Уверены, что не передумаете?

Игроки промолчали. Подошла пара разнорабочих, один из них с подружкой, и теперь возле «Колеса фортуны» собралась уже довольно большая компания. Хозяин с силой крутанул колесо, и за его вращением наблюдали уже двенадцать пар глаз. Сара снова взглянула на Джонни, думая, как странно выглядит его лицо в этом ярком и каком-то ускользающем свете. Ей вдруг вспомнилась маска Джекила и Хайда. Чёт и нечет. Живот снова напомнил о себе, и она почувствовала слабость. Колесо замедлило вращение, и стало отчетливо слышно тиканье трещотки. Подростки криком подгоняли его в нужное положение.

— Ну, еще, малышка, — присоединился к ним Стив Бернхардт. — Не подведи, родное.

Колесо нехотя повернулось еще чуть-чуть, и указатель, перевалив на третий десяток, остановился на цифре 24.

— Джонни, у тебя получилось! — закричала Сара.

Хозяин присвистнул от досады и выплатил выигрыш.

— Опять удача на вашей стороне! Ой-ё-ёй! Еще разок, приятель? Фортуна благосклонна к вам сегодня.

Джонни взглянул на Сару.

— Как хочешь, Джонни. — Ее вдруг затошнило.

— Не бросайте! — умолял парень со значком Джими Хендрикса. — Взгрейте этого барыгу!

— Ладно, — решил Джонни. — Самый последний раз!

— Ставьте, где глянется, где вам больше нравится!

Все молча наблюдали за Джонни, который сосредоточенно тер лоб. Его открытое лицо было серьезно и спокойно. Он смотрел на колесо, обрамленное кольцом огней, не переставая потирать лоб над правым глазом.

— Оставляю там же, — наконец произнес он.

По толпе прокатился шумок.

— Это уж слишком — так не бывает! — засомневался подросток.

— Круто! — отозвался Бернхардт и посмотрел на жену. Та неуверенно пожала плечами, показывая, что сама сбита с толку. — Ладно, рискну! Была не была!

Подросток со значком взглянул на товарища. Тоже пожав плечами, тот все же кивнул:

— Ладно, мы тоже рискнем!

Колесо завертелось. Сара слышала, как у нее за спиной поспорили на пять долларов, что тот же десяток не выпадет в третий раз подряд. Живот снова дал о себе знать, но на этот раз не успокоился, и приступ тошноты усилился. На лице выступил холодный пот.

Колесо начало замедлять ход на первом десятке. Подросток с досады хлопнул в ладоши, но не ушел. Указатель проскочил 11, 12, 13. Хозяин не сдерживал радости. Тик-тик- тик, 14, 15, 16.

— Доползет! — не веря своим глазам, промолвил Бернхардт. Хозяин смотрел на колесо так, будто пытался остановить его взглядом. Указатель отщелкал сектора с цифрами 20, 21 и остановился на 22.

Толпа, в которой насчитывалось уже десятка два людей, взорвалась приветственными криками. Казалось, здесь собрались все, кто еще не покинул ярмарку. Сара слышала, как рабочий, проигравший спор, недовольно отсчитывал день ги, бормоча что-то о «дикой везухе». В голове у нее шумело Она вдруг почувствовала, что едва стоит на ногах и все

внутри у нее сжато от спазмов. Сара несколько раз с силой зажмурилась, но после этого к тошноте добавилось головокружение. Мир вдруг завертелся, как в кабинке на аттракционе, а потом медленно вернулся на место.

Она поняла, что отравилась сосиской.

Вот что значит пытаться счастья на ярмарке, Сара.

— Ой-ё-ёй! — уныло произнес хозяин и расплатился.

Два доллара подросткам, четыре — Стиву Бернхардту, и кучу денег Джонни — три двадцатки, пятерку и доллар. Хозяин, понятно, особой радости не испытывал, но надежды не терял. Если этот высокий худой парень с хорошенькой блондинкой снова поставит на ту же комбинацию, то хозяин почти наверняка вернет свой проигрыш. Пока деньги стоят на кону — есть шанс их вернуть. А если парень решит уйти? Что ж, он только за сегодняшний день заработал на колесе около тысячи, так что можно слегка потратиться. Зато завтра весть о том, что на колесе Сола Драммора сорвали крупный куш, облетит всю ярмарку, и от клиентов отбоя не будет. Крупный выигрыш — всегда самая лучшая реклама.

— Ставьте, где глянется, где вам больше нравится! — снова призвал он.

Несколько человек подошли к игровой доске и поставили десятицентовики и четвертаки. Но хозяина интересовал только главный игрок.

— Что скажете, мистер? Собираетесь сбежать? Неужто сдрейфили?

Джонни перевел взгляд на Сару.

— Что ска... с тобой все в порядке? На тебе лица нет!

— Живот прихватило, — сказала она с вымученной улыбкой. — Наверное, отравилась сосиской. Мы можем уехать?

— Конечно! Само собой!

Он собирал деньги с игрового поля, когда его взгляд вдруг остановился на колесе. Глаза, которые только что выражали участие и заботу, неожиданно потемнели и стали чужими.

Он смотрит на колесо, как маленький мальчик на муравейник, который считает своей собственностью, подумала Сара.

— Одну минутку, — произнес Джонни.

— Ладно, — согласилась Сара. Теперь голова у нее немного прояснилась, хотя в животе продолжало бурлить.

Господи, только бы не было поноса! — мысленно взмолилась она.

Он успокоится, только когда проиграет все. И странная уверенность: он не может проиграть!

— Что скажете, приятель? — осведомился хозяин. — Или да, или нет. Решайтесь!

— Или пан, или пропал, — в тон ему отозвался один из рабочих, чем вызвал нервный смех. Перед глазами у Сары все плыло.

Джонни внезапно передвинул все свои купюры и монеты на угол доски.

— Что это значит? — Хозяин не верил своим глазам.

— Все на 19! — пояснил Джонни.

Сара едва сдержала стон. По толпе прокатился ропот.

— Не искушайте судьбу! — шепнул Джонни Стив Бернхардт. Тот не ответил, безучастно глядя на колесо. Глаза стали почти фиолетовыми.

Раздался какой-то странный звук, и Сара поначалу решила, что звенит у нее в ушах. Однако сразу увидела, что все бросились забирать свои деньги, оставив Джонни единственным игроком, сделавшим ставку.

Нет! — чуть не крикнула она. **Не оставляйте его одного! Это...**

Сара закусила губу, боясь, что ее вырвет, если она откроет рот. С животом стало совсем худо. На игровом поле лежали только выигранные Джонни деньги. Пятьдесят четыре доллара, а выигрыш при ставке на одну цифру составлял десять к одному.

Хозяин нервно облизнул губы.

— Мистер, по закону я не должен принимать ставки больше двух долларов на одну цифру.

— Да ладно! — вмешался Бернхардт. — По закону ты не должен принимать на десяток цифр больше десяти долларов, а сам только что разрешил ему поставить восемнадцать. Что, сдрейфил? Кишка тонка?

— Нет, просто...

— Быстрее! — решительно сказал Джонни. — Моей девушке нехорошо. Мы играем или уходим!

Хозяин, посмотрев на собравшихся, встретил враждебные взгляды. Дело плохо. Они не понимали, что он хотел уберечь парня от глупости — ведь тот проиграет все! Ну и черт с ними! Им все равно не угодить, как бы он ни поступил. Пусть парень проиграет, и на этом все закончится.

— Ладно, если среди вас нет инспекторов штата... — Хозяин повернулся к колесу. — Колесо крути-верти, и удачу принеси!

Он с силой крутанул, и цифры замелькали, сливаясь в единый движущийся поток. Казалось, время замерло: никто не шевелился, и слышалось только лихорадочное стрекотание трещотки. Где-то хлопал от ветра плохо закрепленный полог тента, в голове у Сары гулко стучало. Ей так хотелось, чтобы Джонни обнял ее, но он неподвижно стоял, опираясь на игровое поле и не спуская глаз с колеса, которое, казалось, превратилось в вечный двигатель.

Наконец вращение замедлилось, и стало видно сектор с цифрой 19, нарисованной красным на черном фоне. Цифра взмывала вверх и тут же падала вниз, а ровное стрекотание колеса сменилось отчетливым тиканьем, громко разносившимся в тишине.

Теперь цифры медленно скользили мимо указателя.

— Если он и ошибся, то ненамного! — удивленно воскликнул один из рабочих.

Джонни спокойно наблюдал за движением колеса, и теперь Саре казалось (хотя, конечно, причиной могли быть непрерывные спазмы в животе), что его глаза стали почти черными.

Совсем как Джекил и Хайд, подумала она и вдруг ощутила необъяснимый страх.

Тик-тик-тик.

Указатель добрался до второго десятка, прошел 15, 16, с трудом преодолел 17 и, задержавшись на 18, издал громкий **щелчок** и перевалил на сектор 19! Толпа затаила дыхание. Колесо продолжало движение, и указатель уперся в штырек, разделявший 19 и 20. Он словно изо всех сил старался преодолеть и его. Но силы колеса иссякли, и оно, чуть откатившись, замерло с указателем на 19.

Мгновение никто не шевелился. Стояла полная тишина.

— Вы только что выиграли пятьсот сорок долларов, мистер! — тихо и благоговейно проговорил подросток.

— Никогда такого не видел! **Никогда!** — восхитился Стив Бернхардт.

И тут толпа взорвалась радостными криками. Оттеснив Сару, все бросились к Джонни. Все радостно хлопали его по плечу и поздравляли. Сара почувствовала себя совсем несчастной. Ее пихали, толкали, а в животе творилось что-то невообразимое. Перед глазами продолжали плыть цифры уже давно остановившегося колеса.

Через мгновение к ней подскочил Джонни, и она с облегчением увидела, что это действительно ее Джонни, а не тот похожий на манекен человек, бесстрастно наблюдавший за последним оборотом колеса. Он виновато смотрел на нее встревоженными глазами.

— Прости меня, милая, — сказал он, и от этих слов у нее сразу потеплело на душе.

— Все в порядке, — ответила она, хотя и сомневалась в этом.

Хозяин откашлялся.

— Колесо закрыто, — объявил он и для верности повторил: — Колесо закрыто!

По толпе прокатился недовольный ропот.

— Мне придется выписать вам чек, молодой человек, — сказал хозяин, глядя на Джонни. — Я не держу здесь столько наличности.

— Мне все равно, — ответил Джонни, — только, пожалуйста, побыстрее. Моей девушке нехорошо.

— Еще чего — чек! — возмутился Стив Бернхардт. — Он всучит чек, который нельзя погасить, а сам отправится отдыхать во Флориду!

— Мой дорогой сэр, — начал хозяин, — уверяю вас...

— Оставь свои оправдания для матери — может, она им и поверит!

Бернхардт неожиданно перегнулся через стойку и пошарил под ней.

— Эй! — возмутился хозяин. — Да это чистой воды грабеж!

Но сочувствия в толпе он не вызвал.

— Пожалуйста! — взмолилась Сара. Голова у нее кружилась.

— Наплевать на деньги! — воскликнул Джонни. — Пропустите нас, пожалуйста. Моей девушке нехорошо.

— Как же так? — удивился подросток со значком Джими Хендрикса, но все же они с приятелем посторонились.

— Нет, Джонни. — Сара сдерживала рвоту усилием воли. — Деньги надо забрать!

Пятьсот долларов составляли зарплату Джонни за три недели.

— Плати, сукин сын! — взревел Бернхардт. Он извлек из-под стойки коробку от сигар, но, даже не открыв ее, сразу отодвинул в сторону. Потом снова пошарил руками и, вытащив маленький стальной ящичек, окрашенный в зеленый цвет, грохнул им по прилавку. — Если там нет

пятисот сорока долларов, я на глазах у всех съем свою рубашку! — Он положил на плечо Джонни тяжелую руку. — Погоди минутку, сынок. Ты получишь свои деньги, или я не Стив Бернхардт!

— Послушайте, сэр, у меня нет столько...

— Плати! — Стив Бернхардт угрожающе навис над хозяином. — Или я закрою твою лавочку! Клянусь, я не шучу!

Хозяин тяжело вздохнул и, покопавшись под воротом рубашки, извлек ключ на тонкой цепочке. Толпа выдохнула. Сара не выдержала. Раздувшийся живот будто омертвел. Чувствуя, что ее вот-вот вырвет, она рванулась из толпы.

— Милая, с вами все в порядке? — участливо спросила какая-то женщина, и Сара отчаянно замотала головой.

— Сара! — крикнул Джонни.

От Джекила и Хайда... никуда не спрятаться, вдруг подумала она. Почти бегом Сара бросилась по темной аллее мимо карусели, а перед глазами прыгала проклятая светящаяся маска. Налетев на столб, она пошатнулась и ухватилась за него. Ее вывернуло. Казалось, спазм зародился где-то у пяток и прошел через все тело, как мерзкий скользкий кулак. Больше она не сдерживалась.

Запах, как от сахарной ваты, мелькнуло в голове Сары, пока ее рвало. Перед глазами запрыгали разноцветные пятна. Наконец позывы стали реже, и рвало ее уже какой-то слизью, смешанной с воздухом.

— О Господи! — едва слышно пробормотала она, цепляясь за столб, чтобы не упасть. Где-то сзади слышался голос искавшего ее Джонни, но Сара не могла да и не хотела ответить. Живот понемногу успокаивался, и она желала только одного — чуть-чуть постоять и порадоваться, что осталась жива.

— Сара? **Сара!**

Она дважды сплюнула, чтобы хоть немного очистить рот.

— Я здесь, Джонни.

Он появился из-за карусели, где гипсовые лошадки застыли в прыжке. В руке у него была толстая пачка купюр.

— С тобой все в порядке?

— Нет, но сейчас уже лучше. Меня вырвало.

— Да. О Господи! Поехали домой.

Джонни осторожно взял ее за руку.

— Ты получил свои деньги?

Он рассеянно взглянул на них и сунул в карман брюк.

— Да, все или часть — не знаю. Их считал тот здоровяк.

Сара достала из сумочки платок и вытерла рот. За глоток воды она была готова продать душу дьяволу.

— Нужно побережься, — сказала она. — Это очень большие деньги.

— Шальные деньги приносят несчастье, — мрачно заметил Джонни. — Одна из сентенций моей матери. У нее их миллион. Азартные игры она надух не переносит.

— Баптистка до мозга костей... — Сара вздрогнула.

— Как ты? — с тревогой спросил он.

— Меня знобит. Когда сядем в машину, давай включим печку на максимум и... о Господи, опять!

Сара отвернулась, и ее снова вывернуло. Она со стоном пошатнулась, и Джонни поддержал ее — осторожно, но крепко.

— Ты в силах дойти до машины?

— Да, сейчас мне уже лучше. — Но голова раскалывалась, во рту было

гадко, а мышцы спины и живота болели так, будто их разорвали.

Конец ознакомительного фрагмента. Читать дальше:

[Перейти](#)